

ОТ АВТОРА БЕСТСЕЛЛЕРОВ «КОФЕЙНЯ»
И «ГРУБЫЙ СЕКС И НЕЖНЫЙ БУНТ»

ОДНА НОЧЬ
С ЖЕНЩИНОЙ, КОТОРАЯ
МЕНЯ ЛЮБИЛА

ВЯЧЕСЛАВ
ПРАХ

Вячеслав Прах

**Одна ночь с женщиной,
которая меня любила**

«Издательство АСТ»

2022

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Прах В.

Одна ночь с женщиной, которая меня любила / В. Прах —
«Издательство АСТ», 2022

ISBN 978-5-17-152426-5

Автор пишет о женщине, с которой он проводит всего одну ночь, последнюю ночь, вспоминая обо всем, что между ними было. Женщина не позволяет мужчине себя целовать в губы, не позволяет случиться близости. Но тем не менее она добра к нему и нежна — позволяет себя гладить и даже целовать, но не всюду... не так, как раньше. Откровенные воспоминания мужчины о мгновениях счастья и боли, об ошибках и выводах. О рождении чувств, как о цветущем дереве, и об угасании, как о постыдном равнодушии, которое он попытался утаить от нее. Об измене. Вячеслав Прах создал новую чувственную и проникновенную повесть, в которой как никогда открыто говорит о радостях, печалях и сложностях взаимоотношений между двумя близкими людьми.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-152426-5

© Прах В., 2022
© Издательство АСТ, 2022

Содержание

Одна ночь с женщиной, которая меня любила	6
Часть первая	7
Конец ознакомительного фрагмента.	12

Вячеслав Прах
Одна ночь с женщиной,
которая меня любила
Роман

* * *

Любое использование материала данной книги, полностью или частично, без разрешения правообладателя запрещается.

© Прах В., 2022

© ООО «Издательство АСТ», 2023

Одна ночь с женщиной, которая меня любила

Эта работа, с первой строчки и до последней – посвящение.

Часть первая

«Письмо к женщине» Есенина побудило меня записать созданную нами историю. В этом году я начал понимать его строки: «Лицом к лицу лица не увидать. Большое видится на расстоянье». Оказывается, Есенина не нужно было читать, к нему нужно было протоптать дорогу.

Автобус из Репина ходил каждые пятнадцать минут. Путь до Санкт-Петербурга, до Беговой занимал чуть больше часа, в дороге я слушал музыку и смотрел в окно. Я снимал комнату у женщины, которая меня любила. Когда я прилетел, она предлагала мне поселиться у нее бесплатно – пока она жила у Парка 300-летия Санкт-Петербурга, две ее комнаты в Репине пустовали – и оплачивать только коммунальные услуги. Такого я не смог себе позволить и молча заплатил за свое проживание, воспользовавшись ее гостеприимством. Просторная, солнечная комната, до Финского залива пятнадцать минут спокойным прогулочным шагом. Один сосед – общительный, дружелюбный парень. Там, в курортном поселке, была своя атмосфера: тишины, покоя, неспешности. Эта женщина подарила мне Курортный район, как бы громко это ни звучало. Я жил в Петербурге с двадцати лет и был далек от Курортного района, как от вод реки Нил, я знал только малую часть города. Недели, проведенные в этом месте, оставили во мне теплые и приятные воспоминания. Какой же разный Петербург – как мало я брал. Там я закончил «Уязвимость», там, просыпаясь от солнечных лучей, засыпая с открытым окном от апрельской прохлады, я смог прийти в себя и подлатать себя, чтобы с новыми силами отправиться в дальнейший путь. Будучи в Репине, я делился с моей хозяйкой своими мыслями: «Живя в часе езды от города, ты больше ценишь время, проведенное в городе, когда туда приезжаешь. Каждый час имеет больше ценности, хочется много всего успеть, впихнуть в себя. Я плачу за свою поездку в город тем, что трачу на автобус больше двух часов и пятнадцать минут иду пешком до остановки. Ты уже не ценишь все то, что имеешь, как ценю я то, чего не имею. Ты каждый день смотришь в окно и видишь Лахту, закаты над заливом». Она ответила мне, что ценит то, что имеет. Мне подумалось в этот момент, что напоминает себе ценить. То, что удивительно и прекрасно один день, становится привычным, когда видишь это годами.

В тот вечер она не знала, что я приехал в город. Я позвонил ей и сообщил, что приобрел новые кроссовки и курточку, она пригласила к себе в гости на чай.

Девочка ростом метр сорок семь, девушка, которую я поцеловал у маяка возле Финского залива в Парке 300-летия Санкт-Петербурга. Большой человек, не помещающийся в маленькое хрупкое тельце. Даже я, невысокий, стройный, рядом с ней казался крупнее.

Собака узнала меня. Она радостно приветствовала меня, то прыгая у моих ног, то бегая из стороны в сторону, приговаривая что-то на своем собачьем языке. Джеральд оставил шрам мне на память на носу, он укусил меня прошлой осенью, когда я хотел взять его на руки. Хорошая собака. С того момента наши отношения с ним не испортились.

– Привет, Джеральд.

Снял обувь. Погладил его и посмотрел на нее. Малышку. Красивую, тоненькую.

– Здравствуй.

– Здравствуй.

Я обнял ее. Не целовал. Не разрешала себя целовать в губы после того случая. Я пытался – не один раз. Однажды даже силой, крепко обняв ее на пляже у залива. Она не позволила. Я почувствовал себя отвергнутым. Больно, когда тебя вот так отвергает женщина, которую ты целовал столько раз, что и не сосчитать. Это не похоже на пощечину, это хуже. Это похоже на удар – сильный удар.

Я перестал пытаться ее поцеловать, достучаться до нее: вот он я – целуй меня в ответ, целуй меня, люби меня, вернись.

Я обнимал – и ничего больше. Первый раз отвергла, попробовал второй раз, потом третий. В четвертый раз попробовал только в ее постели. И после него отверг уже я. Не сразу. Через несколько дней после этой ночи. Она приехала в Репино, я помогал ей разобрать и вынести мебель. На прощание она хотела меня обнять, а я оттолкнул ее так, будто она предала меня, совершила непростительный поступок. Так оттолкнул, словно отыскал ее в чужой постели, а после этого она полезла обниматься – я даже сам от себя не ожидал, что способен на это.

Она молча ушла на автобус. Я молча ушел в квартиру.

Мы познакомились с ней, когда мне было двадцать семь, а ей тридцать восемь. Я встретил ее птицей, любящей волю-волюшку, свободу-свободушку, запертой в клетку – по собственному желанию, – в которой было ей то комфортно, то душно. У нее был мужчина, который ее не «брал» многие годы, который любил ее, продолжая жить с другой женщиной. Я был для нее праздником, редким праздником – и она была для меня праздником, редким.

Эту работу я назвал – «Одна ночь с женщиной, которая меня любила». Я запомнил ту последнюю странную ночь, которую мы провели вместе. Лицом к лицу. Спиной к лицу. Спиной к спине. Мы спали на одной кровати, и у нас не было секса. Даже в губы не позволяла себя целовать, но не отвергала меня, когда я целовал ее в шею, в щеку, в подбородок. Мне казалось, что это такая игра – «прояви настойчивость и возьми меня», «прояви фантазию и медленно подготовь меня к большему». Наутро я понял, что это была не игра, какой бы тоненькой она ни выглядела внешне, ее ласковое и мелодичное «нет» оказалось твердым, как бетон. Я не смог его пробить.

Я расскажу эту историю с самого начала, время от времени возвращаясь к той последней ночи.

* * *

Начну с писем, которые я ей писал. Громкие письма, живые письма. Я пытался впихнуть в себя все то прекрасное, что прорастало во мне, будто я – пустошь, а во мне начали подниматься леса, будто солнечные лучи пробивали меня насквозь, и дыры во мне были заполнены этими лучами. Сначала они были горячими, обжигающими, даже щекочущими. Когда я отвлекался, то успокаивался, и они были теплыми и всегда осязаемыми, где бы я ни был, чем бы я ни занимался – если убавить всю ту громкость, которая была в тех письмах:

«Ты как Прованс».

Потому что Прованс я обожаю. Там я ощущаю спокойствие.

«Внутри отклик от пройденного тобой».

Когда ты рассказывала о своей жизни, о своих дорогах, о стремлениях, о своей целеустремленности – во всем, что ты мне открывала, я находил себя и свой собственный путь. Каждый твой рассказ – как встреча с собой в разные промежутки жизни. Целеустремленная, идущая вперед, к задуманному, несмотря на боль, на усталость, на разговоры у тебя за спиной и в лицо. Восхищаюсь тобой, актриса. Восхищаюсь тобой, смелый, идущий вперед человек.

«Я люблю тебя».

Это не те слова, которые я произношу каждой женщине, с которой создаю маленькую историю, главу жизни. В моменте я говорю: «я получаю удовольствие от нашего с тобой мира», «мне хорошо с тобой», «я кайфую от тебя», «ты мой кайф». «Люблю тебя» – это

большие слова, которые я не произношу без абсолютной и непоколебимой уверенности, что они полностью передают мои чувства. Я люблю не в знак благодарности, не из-за страха перед человеком, не из боязни отступить назад, видя, что человек испытывает ко мне более сильные чувства, чем я к нему. Я люблю не потому, что у меня нет крыши над головой, и не потому, что меня не любит никто. Я люблю только потому, что я – люблю. И мне не стыдно произносить эти слова. Я прошел большой путь, чтобы писать осознанно каждое слово в этом письме. Я достался тебе на том промежутке жизни, когда встал после того, как упал лицом в лужу, и шел, обходя лужи, шел вперед с огнем внутри – и с лужей на лице.

Я люблю тебя сейчас. Сегодня. В этом моменте. Мне не стыдно. Мне не страшно. Я не задаюсь вопросами, я знаю.

* * *

Мы смотрели «Лучшее предложение» с Джеффри Рашем на кухне, твоя голова лежала выше моих колен, но ниже яиц. Я гладил твои волосы, смотрел кино. В какой-то момент я аккуратно поднял твою голову и положил на диван, а сам расстегнул ширинку, снял с себя джинсы. Снял трусы. После этого спустился вниз к твоим ягодицам – снял трусы и кинул на пол. Запах... В ноздри ударил запах твоего ануса, как только я раздвинул ягодицы и приблизился к щели. Мне нравится запах твоего ануса, этот запах возбуждает меня. Я смочил большой палец слюной и вошел им в него. Я получал удовольствие от того, что вхожу пальцами в твой анус, что познаю тебя своими пальцами. Член наливался кровью, твердел, в какой-то момент он уже лежал на твоей правой ягодице и головкой смотрел в сторону поясницы. Я водил членом вверх-вниз, он становился еще тверже. Ты была мокрая, ты была возбуждена в этот момент. Можно было провести ладонью по твоим половым губам, и после этого моя ладонь была бы в тебе. Я всегда радовался тому, что ты мокрая от меня изо дня в день. Когда я вошел в тебя членом, это было приятное проникновение, мой орган вошел легко и мягко, в тебе было тепло.

Я входил пальцем в твой анус, а членом в вагину. Ты тяжело дышала, время от времени произнося: «Да, пожалуйста, не останавливайся». Я и не собирался этого делать. Я желал тебя и твою попу. Свободную правую руку я засовывал тебе в рот, чтобы ты сосала мои пальцы. Мне нравилось, как ты сосешь их во время секса, в этом свой кайф – представлять, что ты держишь во рту член, сосешь его в то время как я тебя трахаю во все места одновременно, разрывая, как несколько потных и пьяных мужчин – последнюю путану; это возбуждало меня, я себя воображал этими мужчинами.

Я не приносил в нашу спальню никаких игрушек для взрослых, мой чемоданчик у меня в голове – в нем мои фантазии, желания. Мне достаточно своих десяти пальцев на обеих руках, двух глаз, носа, языка и члена, чтобы воплотить в реальность то, что доставит мне удовольствие.

Ты никогда до встречи со мной не принимала мужскую сперму в рот. Тебя склоняли, тебя просили, ты отказывала, потому что тебе неприятен был вид спермы, ее запах, тебе неприятно было ощущать ее на своем теле, ты не собиралась никогда глотать мужскую сперму, и для тебя это было даже унижительно. Так было до встречи со мной. Я получал удовольствие от осознания того, что в твоём рту не было никогда мужского семени, что ты только мне позволила тебя унижить... или ты больше не воспринимаешь это как унижение? Я чувствовал себя особенным – мне было позволено то, что не было позволено другим, то, что не было позволено раньше самой себе.

В последнее время ты начала сама просить меня о том, чтобы я это сделал. «Кончи мне в рот, я хочу этого. Сделай это сейчас».

Ты мне призналась позже, что начала получать удовольствие от вкуса моей спермы и запаха моего пота. Ты рассказала и о том, что, когда я плевал тебе в рот во время секса, бил тебя по щекам, тебя это умирало, даже унижало, но ты чувствовала мою власть над тобой. От осознания этого ты получала удовольствие. Кончала. Мне нравилось с тобой делать все, что я делал. Все было к месту, желания пробуждались в моменте, это было по-настоящему. Я хочу, чтобы ты знала, что в сексе с тобой мне удалось раскрыть себя. Потому что я чувствовал, что хочу этого, что ты примешь все, что бы я с тобой ни сделал. Ты не стремилась к власти, не хотела играть доминирующую роль, я бы тебе и не позволил этого сделать, мне нужна была твоя податливость, твое смирение. Благодаря этому я себя реализовал тем, кем я был в сексе с тобой.

Мне нравилось раздавливать тебя своим телом. Уничтожать тебя.

* * *

«Я люблю тебя не только за то, кто ты есть, но и за то, кем я становлюсь рядом с тобой», – так однажды она мне сказала.

Она чувствовала, что расцветает. Все вокруг замечали, что она ходит и светится, как лампочка, от переполняющей ее радости: она смеялась ни с того ни с сего – не только тогда, когда находилась в комнате одна, но и прилюдно. Бубленка делилась со мной многими вещами – она делилась, я записывал. Почему Бубленка? Однажды я посмотрел на нее и сказал: «Ты бублик». С тех пор начал называть ее Бублена, Бубленка, Бубленочка. Она танцевала, просто потому что так захотелось в моменте. Она была необычайно нежна, она сама не понимала, почему она так нежна. Это было ей свойственно, но было ею забыто.

Она была возбуждена, когда думала обо мне, когда представляла меня рядом – стоящего перед ней, смотрящего прямо в глаза. Она стыдилась этого и никому об этом не рассказывала, только мне.

Мы прикасались друг к другу письмами: буквами, словами, комплиментами, но в это всё я и она – мы – вкладывали такую силу, такие эмоции, что каждое сказанное и написанное слово, честное слово, желанное слово, робкое и смелое, было усладой души для каждого из нас.

– Мне хорошо с тобой. Мне тепло, я наполнен тобой, большую часть дня я думаю о тебе, а в те моменты, когда мне удастся переключить себя на что-то другое, я просто ношу тебя внутри. Это странно прозвучит, но я ощущаю тебя, даже не думая о тебе. Это ново для меня, это и приятно, и больно. И так сильно, не контролируемо мною, что порой я не могу с собой совладать и впадаю в горькую грусть, в тоску по тебе.

– Почему тебе больно?

– Я тоскую. Я расстраиваюсь, что все мужчины, которые были в твоей жизни, – не я. Потому что мне хочется, чтобы ты принадлежала только мне. Я переполнен тобой, и, кажется, я даже смотрю на мир не только своими глазами, но и твоими. К примеру, сегодня я зашел в наш католический костел святой Марии, в котором я был всего дважды – первый раз, когда переехал в этот город, в холодном феврале прошлого года, и второй, когда ко мне из Познани приезжал товарищ. Я ему показал этот костел, мы заходили внутрь. А сегодня ноги будто сами меня повели туда. Я вошел. Сначала присел на самую последнюю скамью у входа/выхода, смотрел изучающе на огромные арки, вдыхал аромат ладана и просто молчал – я не частый гость этого места.

– Когда ты поделился со мной рассказом об этом месте, я подумала, что ты из-за меня туда вошел.

– Да. Я будто изучал костел твоими глазами, мне подумалось, что тебе было бы интересно там побывать. Такое странное желание – посмотреть твоими глазами на то, что меня окружает. Сейчас я сижу в уличном кафе недалеко от Ратуши. Я обедал, ко мне подошел мой знакомый журналист, который, когда я перебирался в этот город, написал в газете, что русский писатель приехал жить в их маленький спокойный городишко, облюбовал для себя это место. Я довольно слабо разговариваю на польском, но всегда могу объяснить, что мне нужно, у меня не было переводчиков, когда я переехал в Польшу. Я изучал язык, историю, праздники – и люди, с которыми меня сводила жизнь, немного понимали меня и что мне от них нужно: чего я не мог сказать, я показывал жестами и пытался донести на своем языке. Так вот, Патрик – молодой общительный парень, всего на год младше меня, и с ним я совсем другой человек – такая мысль только что пришла мне в голову. Я нахожу себя разным в глазах разных людей, например, в его глазах я такой оптимист, энергичный человек, который всегда улыбается и держит осанку, маленько верит в себя и ведет себя дружелюбно и в меру открыто. А в твоих глазах я совершенно другой. С ним я открываю только малую часть себя, большую он попросту не поймет и не примет в силу наших отношений, взглядов на вещи, даже если бы я разговаривал на польском так же хорошо, как и он. Я не могу открыть ему, да и не только ему, себя широко, многогранно – так, как открываю тебе, и знаешь, Кафка говорил: «...ты для меня нож, которым я копаюсь в себе»¹ ты для меня – исповедь перед Силой – это первое, что пришло в голову. Ты для меня – святость, я перед тобой нагой, босой, я получаю удовольствие от того, что ты способна меня увидеть больше – но я перед тобой не голая жалкая тварь, дрожащая в холоде, выклянчивающая что-то; я перед тобой самый красивый и желанный мужчина. Таким я чувствую себя, когда смотрю на себя твоими глазами (я знаю, ты тоже имеешь эту способность), и это делает меня счастливым. Я перед тобой и грешник, тайны и грехи свои я оголяю перед тобой, чтобы оттолкнуть тебя, но внутри кричу: «Прими меня, не убегай». И ты не убегаешь. Принимаешь. Понимаешь.

¹ Ф. Кафка. Письма к Милене.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.